

вполне реальна — в рамках узкоакадемических, отвлеченно исследовательских. Потому что, пока, например, ученые в Риме скрупулезно исследуют «комикс-сагу» о Мендрейке с точки зрения социологии и эстетики, психологии и теории информации, лингвистики и «массового сознания», «летчики с напалмом» вроде Джонни Хейзарда и Стива Кеньона бомбят в американских комиксах мирные деревни Северного Вьетнама.

Эта мысль Джанни Тотти звучит тем более убедительно, что в наши дни американские летчики бомбят Северный Вьетнам не только на страницах комиксов.

В. Неделин

Еженедельник «Леттр франсез» предоставил страницы двух мартовских номеров французским переводчикам и филологам, чтобы они высказались об искусстве художественного перевода и о практических условиях переводческой работы. Номера эти вышли как раз в те дни, когда в Москве правили корректуры очередного сборника «Мастерство перевода» и обсуждали книги, посвященные переводу стихов. Такое совпадение во времени — примета времени. В мире становится все больше и больше переводов и переводчиков, и понятно, что разнообразные проблемы этого вида литературы приобретают все больший и больший общественный интерес.

ЛИЦО ПЕРЕВОДЧИКА

Вопросы анкеты касаются определения перевода и верности перевода, веса слова при переводе поэзии, прозы и драматургии, роли переводчика как пропагандиста лучших образцов классической и современной литературы, старения перевода. На эти вопросы отвечают Марта Робер, переводчица Кафки и редактор полного собрания его сочинений, переводчик английской литературы Роже Жиру, переводчик Шолохова Антонио Витес, переводчик современной итальянской литературы Нино Франк, профессор русского языка в Высшей школе переводчиков (Сорбонна) Леон Робель, переводчик Фолкнера Р. Н. Рембо. Кроме ответов на анкету «Леттр франсез» поместила статьи и интервью, посвященные отдельным, широким и узким, проблемам переводческого искусства, в частности статьи о французских переводах Данте и Эзры Паунда и о дубляже в кино.

Импозантное разнообразие этого перечня, разумеется, не исключает повторения одних и тех же мыслей, тем более что поводом для высказывания служит анкета. К тому же в общих рассуждениях относительно перевода полностью избежать банальностей не удастся, кажется, решительно никому на свете. Оно и понятно: перевод — искусство, а самое убедительное и самое захватывающее в разговоре об искусстве — это конкретный разбор конкретных примеров, а не отвлеченное теоретизирование. И все-таки подборка «Леттр франсез» интересна и ценна не только тем, что она привлекает внимание и учит уважению к неотъемлемой от культурного прогресса человечества деятельности переводчиков — а это уже переоценить трудно, — но и чисто специально, как новая антология теоретических обобщений переводческого опыта.

Ladies first*, и, делаясь своими впечатлениями от прочитанного в «Леттр франсез» (но вовсе не собираясь дать исчерпывающий отчет об этой дискуссии), начну с Марты Робер, которая на вопрос: «Не кажется ли вам, что даже хороший перевод устаревает?» ответила так: «Как это ни парадоксально — кажется. Я, право, не могу сказать, в чем тут дело, но это факт, что перевод устаревает почти независимо от тех достоинств, которыми он в свое время обладал. Похоже на то, что перевод, как спортивный рекорд, можно совершенствовать до бесконечности. Это странно, но такое чувство порой испытываешь. Может быть, лингвисты сумели бы найти этому объяснение». В этом же смысле высказался и Леон Робель, остроумно заметивший, что хороший перевод всегда стареет, а плохой не доживает до старости, потому что умирает в детстве.

Совершенно иного мнения Роже Жиру: «Хороший перевод не стареет». Жиру считает, например, что французский перевод «Улисса» Джойса является окончательным. Правда, для более далекого прошлого делается оговорка: француз — современник Шекспира, добавляет Жиру, не мог предложить окончательного перевода его произведений, потому что французская речь того времени не могла передать мироощущения елизаветинцев. «Планетарное сознание, к которому мы идем, — говорит Жиру, — расширяет границы разума и сулит переводческому делу все больший успех».

Не столь однозначно, как Марта Робер и Леон Робель, с одной стороны, и Роже Жиру — с другой, отвечает на вопрос о старении перевода Р. Н. Рембо. «Перевод, — говорит он, — устаревает по мере того, как устаревает сам язык, на котором он написан. Желание любой ценой оказаться «в духе времени» крайне опасно для переводчика. Но если сам перевод является художественным произведением, он не устаревает. Перевод Плутарха, сделанный Амьё, не устарел».

В аргументах Р. Жиру и Р. Н. Рембо много справедливого, но в выводах оба, по моему, противоречат сами себе. «Планетарное сознание», как признает сам Жиру, еще

* Сначала дамы (англ.).

не достигнуто, мы только «идем к нему». Но не следует ли из этого, что по мере приближения к «планетарному сознанию» устаревают переводы, сделанные на предыдущих, хотя бы и довольно поздних этапах движения к нему? Что же касается самой идеи планетарного сознания, то до тех пор, пока на нашей планете сохраняются классовые и национальные различия, пока на ней существуют разные экономические и социально-политические системы, «планетарное сознание» — это чистейшая иллюзия. Да и можно ли говорить о «планетарном сознании» без планетарного, то есть общего для всего человечества языка? А при наличии такого языка в переводе вообще не будет надобности, и этот вид искусства умрет естественной смертью.

Совершенно прав и Р. Н. Рембо, когда говорит, что перевод устаревает по мере устаревания языка переводчика. Но когда чуть ниже Р. Н. Рембо утверждает, что перевод, представляющий собой художественное произведение, устареть не может, согласиться с этим трудно. Разве любое оригинальное произведение художественной литературы, даже самое долговечное, в каких-то своих частях не устаревают хотя бы в силу того же устаревания языка? Почему же художественный эффект перевода должен быть неизменным? Ведь и перевод от языковой оболочки неотделим.

Наиболее убедительно, на мой взгляд, высказался по этому поводу Антонио Витес. Его ответ на соответствующий вопрос анкеты в большой мере объясняет тот парадокс старения перевода, о котором говорила Марта Робер.

«Перевод, — пишет Антонио Витес, — устаревает всегда. Прежде всего потому, что даже самые лучшие переводы можно, с чисто лингвистической точки зрения, совершенствовать до бесконечности. Если десять хороших переводчиков переведут последовательно одно и то же произведение, причем каждый будет знаком с работой своего предшественника, то десятый перевод окажется лучшим, ибо перевод основывается на научном знании». Очень простое и очень верное объяснение! Ведь в самом деле, редактора подлинника — акт однократный, кончающийся до выхода книги, без участия автора невозможный и потому после его смерти немислимый, как бы ни менялись эстетические нормы данного языка. Переписывать заново, например, «Дон Кихота» по-испански никто не будет. А на других языках появляются и будут появляться все новые и новые переводы «Дон Кихота», и при прочих равных условиях каждый последующий переводчик объективно находится в лучшем положении, чем его предшественник, чей опыт он может и даже обязан учесть. Так что аналогия со спортивным рекордом, приведенная Мартой Робер, в известном смысле, пожалуй, оправдана.

Но только в известном смысле, ибо это объяснение проблемы, конечно, не исчерпывает, и ниже Витес говорит о таких причинах старения перевода, как эволюция языка, а также изменение и обогащение литературного багажа читателя. Но начал Витес с самого простого, аксиоматически самоочевидного довода, способного, мне кажется, раз навсегда покончить с вопросом: «Устаевают или не устаевают?». Увы, устаевают, как это ни грустно нам, переводчикам, и не так уж, при всем моем максимализме, не прав Мишель Арно, заявивший в беседе с сотрудницей «Леттр франсез», что каждые пятьдесят лет нужно создавать новые переводы.

Другой вопрос, что далеко не все написанное живет пятьдесят лет и смеет претендовать на перевод вообще, не говоря уж о новом переводе. И эту сторону дела дискуссия «Леттр франсез» тоже не обшла. «На нас буквально обрушивается ливень падающих звезд, — пишет Р. Н. Рембо, — всех этих метеоров на один сезон, откровений на один день. Переводчик, сознающий свою роль, не может связывать себя подобной работой». Эти слова взяты из ответа на четвертый вопрос анкеты, который сформулирован так: «Как, по-вашему, действительно ли переводчики играют роль первооткрывателей? С одинаковой ли энергией борются они за издание классического произведения, имеющегося до сих пор в плохом переводе, и за издание современной книги, не известной во Франции?» Рембо говорит, что с тех пор, как перевод иностранной литературы стал во Франции отраслью торговли, переводчики в роли первооткрывателей встречаются все реже и реже и что переводчик может самое большее принять или отвергнуть предложение перевести книгу, которая, как надеются, станет бестселлером.

Если относительно долговечности перевода Р. Н. Рембо и Антонио Витес держатся разных мнений, то на вопрос о роли переводчика как первооткрывателя они отвечают очень сходно: «Первооткрывателями, — говорит Витес, — являются писатели, специалисты, критики, издатели, а в театре также режиссеры и директора. Некоторые из них являются также переводчиками; но мне кажется, что ваш вопрос не учитывает условий, в которых протекает труд профессионального переводчика. Это скверные условия. Борьба за издание классического произведения, не нашедшего пока хорошего перевода, или за издание книги, еще не известной у нас, — это роскошь, которую могут позволить себе лишь немногие переводчики-профессионалы. Первооткрыватели (переводчики или нет) — это как раз те, кому такая роскошь доступна».

Эти высказывания французских коллег очень интересны и поучительны. Мне кажется, что при совершенно разных установках наших и французских издательств — ведь бестселлерность, доходность книги не является у нас главным, решающим мотивом ее издания — наши переводчики выступают в роли первооткрывателей не чаще, чем французские. Дело тут, видно, не столько во внешних обстоятельствах, сколько в лице переводчика. Стать первооткрывателем по заказу, на договорных началах нельзя — нельзя по самой природе первооткрывательства. Чтобы им стать, нужно, как ми-

нимум, быть специалистом в определенной литературе, то есть следить за всеми ее событиями и обладать способностью к критическому их разбору, а следовательно, нужно быть не только переводчиком, но и потенциальным или даже активным (второе еще лучше) критиком-литературоведом. Удивительно ли, что и у нас первооткрывателями оказываются чаще всего не переводчики, а представители профессий, перечисленных Антонио Витесом?

Границы между вопросами любой анкеты часто бывают условны. И когда Марта Робер, отвечая на вопрос о том, что такое верность перевода, говорит, что эта верность зависит от верности оригинала определенному стилевому замыслу, она, в сущности, затрагивает уже и тот вопрос о качестве подлинника, который возник в связи с проблемой первооткрывательства и который так важен для достоинства переводческой работы (во всех значениях слов «достоинство» и «работа»). Еще яснее видна связь двух этих вопросов в рассуждениях Мишеля Арно: «Разумеется,— говорит Арно,— нужно как можно глубже проникнуть в главную идею автора. А главная идея автора выражается не только словами, но и стилем. Поэтому настоящая трагедия для переводчика — отсутствие у автора определенного стиля... Легче переводить автора, стиль которого труден, чем автора, у которого нет стиля». Пожалуй, было бы вполне логично пойти еще дальше и сказать, что автора, у которого нет определенного стиля, переводить вообще не стоит, поскольку идея художественного произведения неотрывна от стиля... Но не будем пускаться в безбрежное море эстетики и изложим еще некоторые суждения, высказанные на форуме «Леттр франсез».

Нино Франк, не считающий себя, правда, профессиональным переводчиком, полагает, что иной раз предпочтительнее, чтобы в роли переводчика, например, с итальянского на французский выступил итальянский писатель, хорошо знающий французский язык, а не писатель-француз, владеющий итальянским. Можно ли согласиться с Нино Франком? Спору нет, в каком-то конкретном случае сравнительная оценка обеих кандидатур может подтвердить справедливость такого мнения. Но принципиально, по моему, Франк не прав. Наиболее удачный перевод на любой язык, вероятнее всего, сделает, мне кажется, все-таки человек, думающий на этом языке и живущий в его стихии.

Меня несколько озадачил один из вопросов анкеты, который сформулирован так: «Синтаксис и звучание французского языка, ритм французской фразы порождают специфические проблемы при переводе с того или иного языка. Каковы, по вашему мнению, эти проблемы?» Точнее сказать, меня озадачила сама постановка вопроса. Что может ответить пианист, если его спросить, каковы специфические проблемы игры на рояле (а не на скрипке). Думаю, что он либо заговорит о своем понимании искусства фортепианной игры — а это разговор долгий и далеко ведущий, — либо ограничится несколькими общими замечаниями об очевидных и для неспециалиста отличиях фортепиано от скрипки. Поэтому я сочувственно улыбался, читая ответы Р. Н. Рембо и Антонио Витеса. «Специфические проблемы? — переспрашивает Рембо. — Их нет. В переводе все является проблемой, но все сводится к одному. Перевод должен прежде всего хорошо звучать по-французски». А Витес, к своему удивлению, констатирует, что никогда не задавался этим вопросом.

Закрывая номера «Леттр франсез», чувствуешь, что вот и еще раз тебе удалось взглянуть на дело, которым ты занимаешься, шире, трезвее и строже, так сказать, отстраненнее, чем это обычно удается в насущных заботах буден. Не нужно обольщаться, переводы не живут долго. Если оригинал недолговечен, перевод умрет вместе с ним, а если подлиннику суждена долгая жизнь, он будет красоваться в чужой стране в новой одежде, а старую сбросит, как бы прекрасна она некогда ни была. Когда перевод доживает до возраста какого-нибудь долгожителя-горца, это уже удача огромная. Но и падать духом тоже не нужно. Каждая эпоха заслуги переводчиков все-таки признает, и признает по-своему, со своей точки зрения. Если Пушкин называл переводчиков почтовыми лошадьми просвещения, то современный поэт сравнивает переводы с пехотой, штурмующей вражду между народами, а пехота как-никак — царица полей... Это объективная сторона дела, его, если можно так сказать, честь. Но еще у него есть сторона субъективная, профессиональная, технологическая, неиссякающий источник творческих радостей. Что же касается людей, соприкасающихся с областью художественного перевода только по-читательски, то материалы «Леттр франсез» несомненно ответят им на вопрос, кто и с каким трудом делает их достоянием мировую литературу. А вопрос этот, судя по заголовку анкеты и по щедрости, с какой на полосах двух номеров было отведено место делам переводческим, очень интересует широкого читателя.

С. Ант

